

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_14

МРНТИ 03.09.31

Миронов Е.А., Эбель Е.М. *

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Влияние «Военного артикула» Густава II Адольфа на российский «Артикул воинский» 1715 года

АННОТАЦИЯ. В статье проводится сравнительный анализ двух военно-правовых документов XVII-XVIII вв. – шведского «Военного артикула» 1621 г., составленного королем Густавом II Адольфом и дополненного в 1683 г. Карлом XI, и российского «Артикула воинского» 1715 г., созданного по инициативе Петра I. Автор исследует степень влияния шведского документа на содержание и структуру российского Артикула, выявляя как заимствованные элементы, так и оригинальные дополнения, отражающие специфику российской военной и правовой системы того времени. Особое внимание уделяется вопросам дисциплины, военной юрисдикции, определению воинских преступлений и наказаний, порядку судопроизводства. Через сопоставление отдельных статей демонстрируется, как Петр I адаптировал западноевропейские нормы к российским условиям, при этом сохранив ряд ключевых принципов, заложенных в шведском прототипе. Автор приходит к выводу, что российский Артикул во многом ориентирован на шведскую модель, но переработан с учетом национальных традиций, административных реалий и задач централизации власти. Подчеркивается также роль военных артикулов как инструментов формирования новой правовой культуры и утверждения абсолютистской модели управления, а также укрепления дисциплины, вертикали власти и легитимации государственного насилия в армии и обществе в целом. Статья представляет интерес для историков права, специалистов по истории армии и государственного управления России и Швеции, а также для исследователей трансфера правовых норм между европейскими государствами в эпоху Нового времени. Кроме того, она может быть полезна в рамках сравнительных правовых исследований, изучения процессов модернизации законодательства и формирования институциональной базы централизованных государств в эпоху раннего Нового времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Густав II Адольф, Петр I, Карл XI, военный артикул, устав.**КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:** Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Миронов, Е.А., Эбель, Е.М. (2026). Влияние «Военного артикула» Густава II Адольфа на российский «Артикул воинский» 1715 года. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 224-238. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_14**История статьи:**

Получено: 03.03.2026

Принято: 26.05.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Эбель Елизавета Михайловна, e-mail: chedurova@mail.ru

Миронов Е.А., Эбель Е.М.

Горно-Алтайск мемлекеттік университеті, Горно-Алтайск, Ресей Федерациясы

Густав II Адольфтің «Әскери мақаласының» 1715 жылғы орыс «Әскери мақаласына» әсері

АҢДАТПА. Мақалада XVII–XVIII ғасырлардағы екі әскери-құқықтық құжат – 1621 жылы Швеция королі Густав II Адольф қабылдаған және 1683 жылы Карл XI толықтырған «Әскери артикул» мен I Петрдің бастамасымен 1715 жылы жасалған Ресейдің «Әскери артикулы» салыстырмалы талдауға түседі. Автор швед артикулының ресейлік нұсқаға әсер ету дәрежесін зерттеп, олардың мазмұны мен құрылымындағы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтайды. Зерттеуде тәртіп, әскери юрисдикция, әскери қылмыстар мен жазалар, сот ісін жүргізу тәртібі мәселелеріне ерекше назар аударылады. Жекелеген баптарды салыстыру арқылы I Петрдің Батыс Еуропа нормаларын Ресей жағдайына бейімдегені, сонымен қатар швед үлгісіндегі негізгі қағидаларды сақтап қалғаны көрсетіледі. Автор ресейлік артикулдың швед моделіне негізделгенімен, ұлттық дәстүрлерді, әкімшілік ерекшеліктерді және орталықтандыру міндеттерін ескере отырып қайта өңделген деген қорытындыға келеді. Сондай-ақ әскери артикулдардың жаңа құқықтық мәдениетті қалыптастыру, абсолюттік билік моделін орнықтыру, тәртіп пен билік вертикалін нығайту және әскер мен қоғамда мемлекеттік зорлық-зомбылықты заңдастыру құралы ретіндегі рөлі атап өтіледі. Мақала құқық тарихшыларына, Ресей мен Швеция армиясы мен мемлекеттік басқару тарихын зерттеушілерге, сондай-ақ Жаңа заман дәуіріндегі еуропалық мемлекеттер арасындағы құқықтық нормаларды тасымалдау үдерісін қарастыратын ғалымдарға арналған. Сонымен қатар бұл еңбек салыстырмалы құқықтану, заңнаманы жаңғырту және орталықтандырылған мемлекеттердің институционалдық негізін қалыптастыру үдерістерін зерттеу салалары үшін де пайдалы болмақ.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: Густав II Адольф, Петр I, Шарль XI, әскери мақала, жарғы.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуге демеушілік қолдау көрсетілмеді (жеке ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Миронов, Е.А., Эбель, Е.М. (2026). Густав II Адольфтің «Әскери мақаласының» 1715 жылғы орыс «Әскери мақаласына» әсері. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 224-238. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_14

* Хат-хабаршы авторы: Эбель Елизавета Михайловна, e-mail: chedurova@mail.ru

Eugene A. Mironov, Elizabeth M. Ebel

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

The influence of Gustav II Adolf's "Military Article" on the Russian "Military Article" of 1715

ABSTRACT. The article presents a comparative analysis of two military-legal documents of the 17th-18th centuries: the Swedish Articles of War of 1621, issued by King Gustavus II Adolphus and supplemented by Charles XI in 1683, and the Russian Military Article of 1715, compiled under Peter I. The author examines the influence of the Swedish document on the structure and content of the Russian Article, identifying both borrowed elements and original additions reflecting the specific features of the Russian military and legal system. Special attention is paid to issues of discipline, military jurisdiction, the definition of crimes and punishments, and legal procedures. The comparison of selected articles shows how Peter I adapted Western European norms to Russian conditions while retaining key principles from the Swedish model. The author concludes that although the Russian Article was based on the Swedish one, it was revised in accordance with national traditions, administrative context, and centralization goals. The study emphasizes the role of military articles in shaping a new legal culture, supporting absolutist governance, reinforcing discipline, and legitimizing state violence. This article will be of interest to legal historians, scholars of military and state history in Russia and Sweden, and researchers of legal norm transfer in Early Modern Europe. It also contributes to comparative law and institutional modernization studies.

KEYWORDS: Gustav II Adolf, Peter I, Charles XI, military article, statute.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Mironov, E.A., Ebel, E.M. (2026). The influence of Gustav II Adolf's "Military Article" on the Russian "Military Article" of 1715. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 224-238. <https://doi.org/10.51885/3107-2755> SSADH 2026 2 14

* Corresponding author: Ebel Elizabeth Mikhailovna, e-mail: chedurova@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Военное искусство и военная организация всегда играли ключевую роль в истории развития государств, формируя их стратегические возможности и определяя исходы войн. Армия нередко становилась не только инструментом защиты территорий, но и средством расширения влияния, утверждения политической воли и распространения идеологий. История государственности неотделима от истории войн, армий и тех административных структур, которые обеспечивали их существование и функционирование.

Со времен появления первых цивилизаций способность к эффективной мобилизации войск, снабжению, управлению и подготовке командного состава оказывала непосредственное влияние на выживание и процветание государства. Например, успехи Римской империи во многом объясняются ее развитой системой легионов и логистики, а мощь Османской империи – высоким уровнем дисциплины и организованности янычарского корпуса. Военные реформы становились важнейшими этапами модернизации государств, как это было в России при Петре I или во Франции при революционной и наполеоновской армиях.

Военное искусство развивалось параллельно с изменениями в политике, экономике и технологиях. Каждое новое оружие, тактическое новшество или организационная реформа вызывали перестройку всей военной системы. Переход от феодальных ополчений к наемным армиям, затем – к регулярным армиям нового времени, а позже – к массовым армиям индустриальной эпохи иллюстрирует эволюцию военной организации в соответствии с социальными и технологическими переменами.

Кроме того, армия всегда отражала структуру самого общества. Классовые, сословные, национальные и религиозные аспекты влияли на принципы комплектования, внутренние отношения и систему управления в войсках. Военные уставы, дисциплинарные кодексы и артикулы служили не только регламентами боевой службы, но и инструментами социальной инженерии, направленными на формирование «идеального» солдата, верного государству и власти.

Таким образом, военное искусство и организация вооруженных сил – это неотъемлемая часть политической истории, отражающая уровень развития административных структур, технологий, правовых систем и идеологии. Изучение этих аспектов позволяет глубже понять, каким образом армии не только побеждали в сражениях, но и играли роль в строительстве и разрушении империй, в изменении общественных порядков и в формировании новых типов государственности.

Одним из значимых документов, оказавших влияние на военное дело в Европе, стал «Военный артикул» Густава II Адольфа (Gustav II Adolf, 1621), шведского короля, который провел масштабные реформы в армии своего государства в начале XVII в. В условиях Тридцатилетней войны и усиливающейся конкуренции между европейскими державами, Швеция стремилась создать боеспособную и дисциплинированную армию, способную эффективно действовать в новых реалиях. Артикул стал неотъемлемой частью этой реформы, закрепив нормы военной дисциплины, порядок судопроизводства в армии и перечень наказаний за различные проступки.

Документ отличался системностью, строгостью и ориентацией на централизованное управление армией. Он отражал идею подчинения солдата государственной власти и военному уставу, а не феодальному или корпоративному праву. Шведский военный артикул стал одним из первых примеров кодифицированного военного права, повлиявшего не только на развитие вооруженных сил в самой Швеции, но и за ее пределами. Его положения стали образцом для других стран, включая Пруссию и Россию, где подобные документы начали использоваться как инструменты утверждения дисциплины, централизации командования и внедрения новой военной культуры (Wedgwood, 1938).

Актуальность исследования влияния «Военного артикула» Густава II Адольфа на российский «Артикул воинский» 1715 г. заключается в необходимости глубокого понимания процессов военной реформы в России, происходивших в контексте изучения европейских традиций и практик. В условиях активного внешнеполитического давления и внутренних

вызовов, Петр I стремился модернизировать российскую армию, заимствуя лучшие практики из европейского опыта. «Военный артикул 1715 г.» стал важным этапом в этом процессе, и его связь с шведским документом представляет собой интересный объект для анализа. Также это исследование имеет значение не только для военных историков, но и для специалистов в области социальной и политической истории, поскольку демонстрирует, как военные реформы выходили за рамки сугубо военного контекста и оказывали влияние на более широкие процессы внутри общества. Принятие новых военных уставов и артикулов не только меняло организацию армии, но и способствовало трансформации представлений о власти, подчинении, ответственности и законности. Армия становилась моделью, по которой формировалась дисциплина в других сферах – в гражданской администрации, на производстве, в образовательных учреждениях.

Кроме того, военные реформы способствовали укреплению централизованного государства, расширяя контроль монарха или правящего центра над отдаленными регионами и разрозненными социальными группами. Создание регулярной армии требовало стабильного налогообложения, централизованного снабжения, эффективной бюрократии - все это ускорило модернизацию государственных институтов. Таким образом, исследование военных артикулов позволяет увидеть, как военное законодательство становилось инструментом не только для поддержания порядка в армии, но и для структурных изменений в обществе в целом.

Целью данной статьи является анализ предыдущих работ по изучению влияния шведского «Военного артикула» на российский «Артикул воинский 1715 г.», а также на основе результатов анализа данных работ сделать вывод о том насколько сильно шведский документ повлиял на российский.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В работе (Gustav II Adolf, 1621) представлены 55 статей из шведского «Военного артикула» 1621 г., написанные королем Швеции Густавом II Адольфом на старошведском языке.

В работе (Karl XI, 1682) представлен текст закона «О дуэлях», изданного королем Карлом XI в 1682 г.

В работе (Беспалов, 2024) собрана информация о военно-судебной системе, которая действовала в шведской армии в XVII – начале XVIII вв. В том числе информация о правонарушениях и ответственности, которую солдаты должны были понести за них.

В работе (Прокопьев, 2020) автор рассматривал причины и ход Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. Были рассмотрены причины поражения армии Священной Римской Империи, а также успехов шведской армии под руководством Густава II Адольфа. Были рассмотрены военные реформы, которые проводил шведский король, а также стратегия, которую использовал немецкий полководец Альбрехт фон Валленштайн.

В работе (Елифанов, 1946) был проанализирован устав, созданный Петром I на основе западноевропейских документов, которые регулировали дисциплину в армии.

Наиболее полезной была работа (Бобровский, 1881), в которой автор рассмотрел не только шведский и российский документы, но и датский, саксонский, бранденбургский, и законодательный памятник Священной Римской Империи под названием «Каролина». Также автором было проведено сличение двух «Артикулов», что позволило, проследить, как влиял шведский документ при составлении российского.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье использованы различные методы исследования, что позволило глубже понять особенности шведского и российского военных артикулов. Прежде всего, проведен анализ источников, касающихся шведского «Военного артикула» 1621 г., что дало возможность выявить ключевые элементы, отражающие специфику военной организации и управления в Швеции начала XVII в. Анализ документов, позволил проследить влияние шведских реформ

на развитие армий других европейских стран, в том числе России. Исследование источников по российскому «Артикулу воинскому» 1715 г. позволило определить, в каком объеме и каким образом российская армия заимствовала нормы из шведского военного права, а также, как эти заимствования были адаптированы к российским условиям.

Кроме того, применен сравнительный анализ работ, связанных с российскими и шведскими памятниками уголовного права, что стало основой для выявления сходств и различий между этими военными артикулами. Этот подход позволил не только разобраться в структуре и содержании каждого документа, но и рассмотреть более широкую правовую контекстуализацию – от военных до уголовных норм, обеспечивающих дисциплину и порядок в вооруженных силах. Сравнительный анализ выявил не только общие черты документов, такие как система наказаний и военная юрисдикция, но и различия, отражающие особенности государственных традиций и политической ситуации в России и Швеции в XVII-XVIII вв.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Во время ведения боевых действий в Польско-шведской войне 1600-1629 гг. Густав II Адольф, глубоко изучивший военное дело в Голландии, решил внедрить полученные знания в организацию шведской армии. Вдохновленный западноевропейским опытом, он начал разрабатывать проект реформирования, направленный на улучшение боеспособности и повышение дисциплины в шведской армии. Одним из центральных элементов этого проекта стал документ, который получил название «Военный артикул». В 1621 г. Густав II Адольф утвердил этот свод правил, который включал 112 статей и регулировал различные аспекты военной службы, от порядка комплектования армии и распорядка дня до дисциплинарных наказаний. Впервые статьи из данного документа шведский король зачитал солдатам в 1621 г. по прибытии в Ригу (Gustaf Geijer, 1845).

Основной целью «Военного артикула» было не только повышение эффективности армии шведского королевства, но и укрепление дисциплины среди солдат, что было особенно важно в условиях длительных военных конфликтов. Артикул установил строгие нормы, направленные на организацию боевых действий, управление военными подразделениями, а также систему наказаний за нарушение дисциплины. Благодаря этому документу, армия Густава II Адольфа стала более организованной и эффективной, что сыграло ключевую роль в его победах в ряде битв, включая знаменитую битву при Лютцене 16 ноября 1632 г.

В 1683 г., уже после смерти Густава II Адольфа, шведский король Карл XI внес коррективы в «Военный артикул», расширив его и обновив в соответствии с новыми требованиями времени. Редакция «Военного артикула» Карла XI включала 145 статей, которые были разделены на 25 глав. Эти изменения отразили развитие военной организации Швеции и ее переход к более централизованной и модернизированной армии. Статьи новой редакции документа укрепляла позиции монарха как главнокомандующего и значительно улучшали структуру шведских вооруженных сил, продолжая традиции, которые были заложены в оригинальной версии «Военного артикула» 1621 г., но адаптируя их к изменившейся политической и военной ситуации того времени (Бобровский, 1881).

П. О. Бобровский отмечает, что «Военный артикул» под редакцией Густава II Адольфа «был достаточно гуманистическим», в виду того, что наказание смертной казнью совершалось путем повешения, расстрела или отсечения головы, то есть, смерть была быстрой и не мучительной, в то время как в католических странах, против которых выступала Швеция в Тридцатилетней войне 1618-1648 гг., применяли такие виды казни, как сожжение, заливание расплавленного железа в горло, а также колесование (Бобровский, 1881; Gustav II Adolf, 1621). В свою редакцию «Военного артикула» Карл XI ввел такие наказания как сожжение и колесование, взятые памятника уголовного права Священной Римской Империи под названием «Каролина» (Лысенко, 2014).

Таким образом, в шведской армии на протяжении всего XVII столетия сохранялся высокий уровень дисциплины, что стало одним из ключевых факторов военных успехов

Швеции в этот период. Принятие «Военного артикула» 1621 г. и его последующее обновление в 1683 г. сыграли важную роль в обеспечении порядка, субординации и ответственности среди военнослужащих. Эти нормативные акты не только формализовали правила поведения в армии, но и устанавливали систему наказаний за их нарушение, что способствовало поддержанию внутренней устойчивости вооруженных сил.

Жесткая дисциплина, сочетавшаяся с грамотной организацией командования и логистики, позволила шведской армии успешно участвовать в ряде европейских конфликтов XVII в., включая Польско-шведскую войну 1600-1629 гг, Тридцатилетнюю войну 1618-1648 гг., Датско-шведские войны 1643-1645, 1657-1658 и 1658-1660 гг., а также Русско-шведскую войну 1656-1658 гг. Шведские солдаты отличались высоким уровнем организованности, выучки и готовности следовать приказам даже в самых сложных условиях. Это обеспечивало боевое преимущество над армиями государств, где порядок и дисциплина находились на более низком уровне. Кроме того, авторитет командиров и единство управления создавали сплоченную и маневренную армию, которая была способна вести наступательные действия в различных регионах Европы.

Успешная военная политика, основанная на сильной дисциплине, позволила шведским монархам значительно расширить территорию королевства и утвердить влияние в Прибалтике, Северной Германии и Скандинавии. Балтийское море фактически превратилось в «Шведское озеро», поскольку Швеция контролировала большую часть портов и прибрежных территорий. Это доминирование обеспечивало экономические и стратегические преимущества, а также укрепляло статус Швеции как великой державы того времени. Таким образом, военная дисциплина стала не только основой тактических успехов, но и важным элементом реализации внешнеполитических амбиций страны (Hans Delbrück, 2001).

Петр I, стремясь модернизировать российскую армию и государственное управление, осознавал, что нормы, закрепленные в Соборном уложении 1649 г., не соответствуют требованиям времени и не способны обеспечить должный уровень воинской дисциплины. Изучив практику европейских армий - в частности, голландской, шведской, саксонской, датской и имперской - он пришел к необходимости создания нового нормативного документа. Так, в 1715 году была утверждена часть будущего «Военного устава» – «Артикул воинский», в который вошли 209 статей, распределенных по 24 главам (Елифанов, 1946). Этот документ стал первым систематизированным военно-уголовным сводом законов в России, регулирующим поведение военнослужащих, судопроизводство, наказания и нормы дисциплины.

При сравнении российского «Артикула» с европейскими источниками уголовного права особенно ярко выделяется влияние шведского «Военного артикула». Сходство между ними заключается в четкой структуре, детализированной классификации военных преступлений, строгой регламентации поведения офицеров и солдат, а также подчеркнутой роли военного суда как инструмента поддержания порядка в армии. Обе системы исходили из идеи, что дисциплина в армии – это основа ее боеспособности, и потому предусматривали суровые наказания за неповиновение, дезертирство, пьянство, кражу и государственную измену. Кроме того, обе системы способствовали укреплению вертикали власти и подчеркивали подчиненность военного сословия государству.

Однако между этими документами имеются и различия, обусловленные различиями в правовой культуре, политическом устройстве и административной практике государств. Если шведский «Артикул» отражал более зрелую правовую традицию, с элементами правовой автономии и сословного устройства, то российский «Артикул» был более централизованным, направленным на укрепление самодержавной власти. В нем более явно прослеживается политическая функция – легитимация власти Петра I и подчинение армии как инструмента реализации государственной воли. Также российский документ включал элементы православной этики и морали, что отличает его от более светского по духу шведского прототипа. В чем еще схожесть этих документов и их различие?

Начальные разделы как шведского «Военного артикула» 1621 г. так и русского «Артикула воинского» 1715 г. имеют идентичное заголовочное оформление – «О страхе Божьем», что отражает общеевропейскую традицию Средневековья и начала Нового времени – подчеркивать первостепенную важность религии в жизни государства и армии. Религиозные нормы воспринимались не только как духовные ориентиры, но и как средство воспитания дисциплины, покорности и моральной ответственности у солдат. В обоих документах детально регламентировался порядок участия в богослужении, а также предусматривались наказания за нарушение религиозных предписаний.

При сравнительном анализе содержания отчетливо прослеживается типологическое родство между шведским и русским артикулами в части определения круга религиозных преступлений. В обоих источниках фиксируются такие составы деяний, как: идолопоклонство, богохульство, злословие в адрес святынь и церковных таинств, колдовство и неявка на богослужение без уважительных причин. Содержательное совпадение этих статей свидетельствует о том, что оба законодателя опирались на христианскую правовую традицию. Стоит заметить, что санкции за перечисленные проступки носят преимущественно устрашающий, а не искупительный характер. Это подчеркивало, что акцент делался не на глубине личной веры солдата, а на социальной презентации религиозности, на поддержании внешнего порядка и единообразия как залога боеспособности.

Тем не менее, между двумя артикулами существуют определенные различия. Например, в шведском «Артикуле» (статья 4) указывается, что богослужение должно проводиться дважды в день - утром и вечером, что соответствует лютеранской традиции христианства. В то же время, в русском «Артикуле» (артикул 9) предписано проведение службы трижды в день - утром, в полдень и вечером. Это расширение числа обязательных богослужений в российском варианте было связано с более сильным влиянием православной традиции, в которой молитвенное правило более насыщено, а также с желанием Петра I подчеркнуть роль религии как инструмента формирования дисциплины в условиях продолжающейся милитаризации и централизации государства (Gustav II Adolf, 1621; Епифанов, 1946).

Глава II «О службе Божьей и священниках» как в шведском, так и в русском «Артикулах» демонстрирует важность института военного духовенства и подчеркивает его роль в поддержании морального состояния армии. Обе редакции документа фиксируют признание военного духовенства неотъемлемым элементом войсковой структуры в европейских армиях. Данный факт свидетельствует о формировании в армиях европейских государств раннего Нового времени особой модели «военного пасторализма», в рамках которой священник выступал не столько исключительно служителем культа, сколько специфическим агентом военной администрации, ответственным за психоэмоциональную и моральную стабилизацию личного состава. В этом контексте у военных священников появлялись следующие функции: регулярное проведение литургий, проповедей и таинств, которое рассматривалось как средство профилактики актов дезертирства, подавления страха и поддержания боевого духа среди солдат в условиях длительных военных кампаний. Священники должны были стать примером благочестивого, дисциплинированного и высоконравственного поведения для солдат, а также активно участвовать в духовном наставлении войска в походных условиях.

Особое внимание в обоих документах уделяется ответственности священников за нарушения своих обязанностей. В случае неисполнения служебного долга или совершения проступков духовное лицо подлежало судебному разбирательству в церковной консистории – специализированном органе духовной юрисдикции. Виновных могли лишить сана и отправить в гражданский суд, если их проступки выходили за рамки церковного права. Эти положения подчеркивают, что даже представители духовного звания подчинялись жесткой дисциплинарной системе, действовавшей в армии, а их деятельность строго регулировалась в интересах военной службы и порядка.

Третья глава шведского «Военного артикула» под названием «О профессии и должности священника» представляет собой подробное нормативное описание обязанностей и требований к духовным лицам, служащим в армии. Эта глава подчеркивает высокие

стандарты, которым должны соответствовать военные священники, включая нравственную безупречность, профессиональную подготовку и преданность служению. Хотя в русском «Артикуле» аналогичной главы нет, отдельные положения, касающиеся наказания священников за проступки, присутствуют - например, в статьях 14, 15 и 18, где говорится о разжаловании и церковном суде.

Интересной особенностью шведского документа является статья 19, согласно которой священники не могут приносить присягу, если они не признаны достойными консисторией. Это положение подчеркивает институционализированную церковную проверку кандидатов в духовное звание и их подотчетность внутриармейскому церковному аппарату. Статья 20 напоминает о необходимости принесения присяги на верность королю и обязательстве добросовестной службы вне зависимости от обстоятельств, что подтверждает центральную роль монарха как источника власти и дисциплины в армии.

Следующие статьи – 21 и 22 – переходят от вопросов религиозной службы к организационным аспектам военного лагеря. Согласно этим положениям, войско должно быть четко организовано на отряды, которые разделялись по назначению – для защиты и нападения. Кроме того, особое внимание уделяется созданию полевого суда, который должен рассматривать споры и конфликты справедливо, строго следуя статьям «Артикула». Эти положения подчеркивают стремление к поддержанию порядка и законности не только в бою, но и в повседневной жизни армии, независимо от ее местоположения (Gustav II Adolf, 1621; Бобровский, 1881).

Четвертая глава российского «Артикула» представляет собой пример прямого заимствования из шведского военно-уголовного законодательства. Она объединила в себе две главы шведского «Артикула»: пятую – «О самовольном обнажении шпаги» и шестую - «О тревоге и карауле». Эти разделы регулировали поведение солдат в отношении друг друга, особенно в ситуациях, связанных с использованием оружия, а также устанавливали порядок несения караульной службы и действий при тревоге. Российский законодатель почти дословно перенял положения шведского прототипа, подчеркивая недопустимость проявлений агрессии внутри армии и необходимость строгого соблюдения внутреннего порядка. Объединение двух тематических блоков в одну главу позволяло российскому военному суду руководствоваться единым процедурным алгоритмом при рассмотрении дел, связанных с нарушениями оружейной дисциплины и караульной службы, что упрощало кодификацию и унифицировало правоприменение.

Вопросы караульной службы и реагирования на боевую тревогу были особенно важны в условиях кампаний, когда от организованности и дисциплины солдат зависела безопасность войска. Как шведский, так и российский документ устанавливали ответственность за несоблюдение правил: за самовольное применение оружия – наказание вплоть до смертной казни; за несвоевременное реагирование на тревогу – телесные наказания или тюремное заключение. Таким образом, дисциплина и контроль в армии обеспечивались через четко прописанную систему санкций, что отражало принципы абсолютистского порядка.

Помимо норм, регулирующих оружейную дисциплину, караульную службу и богослужение, практически полное совпадение между российским и шведским артикулами наблюдается в главах, которые посвящены «всякой солдатской работе». Данное понятие обозначало не только боевую подготовку, но и весь комплекс солдатских повинностей, которые составляли неотъемлемую часть повседневного быта армии раннего Нового времени. Эти статьи касались исполнения повседневных обязанностей солдатами – строительства укреплений, рытья траншей, обустройства лагерей и выполнения приказов командиров. Подобное тождество показывает не только заимствование правовых норм, но и единство организационно-боевых принципов, выработанных в европейских армиях Нового времени. Российский «Артикул» отразил стремление Петра I модернизировать армию по западному образцу, в том числе и через законодательное оформление дисциплины и служебных обязанностей.

VI глава российского «Артикула», носящая название «О воинских припасах, мундире, об утрате и небрежном отношении к нему», во многом повторяет положения XIX главы шведского «Военного артикула». В обоих документах подчеркивается, что солдат обязан бережно относиться к выданному вооружению, к элементам обмундирования и снаряжения. Нарушение этого порядка рассматривалось как нарушение дисциплины и проявление неуважения к военной службе, за что предусматривались наказания – от штрафов до ареста и телесных наказаний.

Однако российский «Артикул» содержит и оригинальные дополнения. Одним из таких нововведений стал 56-й артикул, включенный по инициативе Петра I. В нем подчеркивается особая важность сохранения мундира в целости, а оружия – в рабочем и исправном состоянии. Это дополнение отражает практическую заботу царя о боеспособности армии и дисциплине, а также стремление выработать у солдат личную ответственность за государственное имущество. Таким образом, при заимствовании шведского опыта Петр I не ограничился механическим копированием, а адаптировал положения к российским реалиям и задачам формирования новой регулярной армии (Епифанов, 1946).

Тексты VII-XII глав российского «Артикула» во многом совпадают по содержанию с положениями шведского «Военного артикула», за исключением различий в их последовательности и нумерации. Так, соответствующие темы раскрываются в главах XXI, XXIII, XXII, VIII, XVIII и IX шведского документа. В обеих правовых системах строго регламентированы вопросы дезертирства, неподчинения приказам, мародерства, грабежей, а также поведение солдат вне поля боя. Эти главы подчеркивают важность поддержания внутреннего порядка, дисциплины и ответственности каждого военнослужащего.

Однако в российском законодательстве появляется ряд дополнительных мер наказания, отражающих специфику правовой культуры того времени. Одним из наиболее показательных отличий стало наказание для дезертиров. Согласно Петровскому «Артикулу», перед казнью через повешение дезертирам вырезали ноздри, тем самым «помечая» их. Эта мера не только ужесточала наказание, но и служила устрашающим примером для других солдат. Источником подобного подхода стала французская военная практика: Петр I заимствовал этот прием из «Ордонансов Людовика XIV», стремясь усилить дисциплину и устрашение в армии по образцу передовых европейских держав (Бобровский, 1881).

В XIV главе российского «Артикула воинского» четко зафиксированы положения, запрещающие солдатам грабить территории, население которых принесло присягу верности русскому царю. Такие земли и их жители рассматривались как подданные государства, находящиеся под защитой монарха, а значит, любые насильственные действия по отношению к ним приравнивались к воинским преступлениям. Подобные нормы способствовали укреплению дисциплины и поддержанию правопорядка на оккупированных или присоединенных территориях, а также способствовали более лояльному отношению местного населения к российским властям.

Интересно, что аналогичный запрет впервые был введен шведским королем Густавом II Адольфом во времена Тридцатилетней войны. Он стремился превратить свою армию в дисциплинированную и идеологически мотивированную силу, в отличие от иностранных наемников, широко применявшихся другими европейскими государями. Однако, несмотря на требования шведского короля, наемники, поступавшие на службу шведской короне из Священной Римской империи, Англии и Франции, и воевавшие под началом короля, нередко нарушали эти положения и занимались мародерством. В этом отношении российская армия, сформированная на регулярной основе, имела возможность более последовательно реализовывать подобные дисциплинарные меры (Wedgwood S. V., 1938; Hans Delbrück, 1990). В XX главе шведского «Военного артикула» содержались положения, допускающие мародерство, но только в строго ограниченных и регламентированных случаях. Первым основанием для этого служил прямой приказ короля, что подчеркивало централизованный характер принятия решений в экстремальных условиях войны. Вторым допустимым случаем

было распоряжение офицера, однако здесь подчеркивалась, что в таком случае он должен был нести личную ответственность за последствия. Такое решение требовало обоснования и могло повлечь за собой наказание в случае злоупотреблений. Таким образом, командный состав не освобождался от ответственности даже в условиях боевых действий.

Третьим исключением, прописанным в документе, становилась ситуация голода, когда солдаты, находящиеся в условиях крайней нехватки продовольствия, были вынуждены добывать пищу пренебрегая установленным порядком. Несмотря на признание этого обстоятельства серьезным, и здесь вводились определенные рамки: такие действия не должны были нарушать воинскую дисциплину и подрывать доверие местного населения к армии. Это положение свидетельствует о стремлении шведского командования удержать баланс между военной необходимостью и сохранением морального облика армии, что было важно для легитимации ее присутствия на чужих территориях.

Главы российского кодекса с XIII по XVII были тождественны шведским X, XX, XI, XII, XIII, XIV, соответственно, но стоит уточнить, что артикулы 139-141 в российском документе были взяты не из шведского «Артикула». Стоит также отметить, что Петр I обращался не только к «Военному артикулу». Так артикулы 139-141 российского документа восходят не к какому-либо разделу шведского воинского устава, а к общегражданскому законодательству Швеции – так называемому «Закону о дуэлях», изданному королем Карлом XI 22 августа 1682 г. (Беспалов, 2023; Грошев, Саудаханов, 2025; Karl XI, 1682). Этот факт, установленный в современной историко-правовой литературе, имеет принципиальное методологическое значение для понимания петровской законотворческой стратегии. Обращение к гражданскому, а не военному источнику указывает на то, что дуэльный этикет и связанные с ним оскорбления чести осмыслились российским законодателем не как узко корпоративная проблема офицерской среды, а как более широкий социально-правовой феномен, который требовал государственного регулирования. Шведский закон Карла XI был выбран не случайно: он являлся одним из наиболее жестких антидуэльных актов в Европе того времени и предусматривал смертную казнь не только для участников поединка, но и для секундантов, а также конфискацию имущества, что коррелировало с петровской линией на бескомпромиссное искоренение «оскорбительных обычаев» в дворянской среде. Также в этом законе были указаны преступления, которые были объединены в XVIII главу «О поносительных письмах, бранных и ругательных словах» российского «Артикула воинского».

На основе общих уголовных законов была создана глава XIX «О смертоубийстве», которой соответствовала XV глава «О непредумышленном убийстве и убийстве», которую поместил в «Военный артикул» Карл XI во время редакции (Бредихин, 2022; Бобровский, 1881). Убийство, согласно данным главам «артикулов» было разделено на разные категории:

1. Самоубийство
2. Самоубийство в состоянии меланхолии
3. Убийство в самообороне
4. Убийство квалифицированное
5. Убийство случайное
6. Убийство групповое

В зависимости от вида убийства различались и наказания (Володина, 2023). В шведском «Военном артикуле» особое внимание уделялось наказаниям за совершенные преступления, среди которых одно из первых мест занимала ответственность за убийство и самоубийство. В случае самоубийства человека лишали всех прав и чести, что символизировало общественное осуждение его поступка. Однако исключение делалось для тех, кто совершил самоубийство в состоянии меланхолии, что указывало на понимание психических расстройств как смягчающего обстоятельства. Таким образом, шведский закон оказывал некоторую

гуманизацию в случае психических заболеваний, признавая невозможность ответственности за поступок в этих условиях.

Что касается убийства, то за совершение преступления, в зависимости от обстоятельств, существовали различные виды наказания. Если убийство было совершено случайно или в ходе самообороны, то виновный мог избежать строгой ответственности, но в случае судья мог назначить штраф, тюремное заключение или наказание шпицрутеном – провинившегося прогоняли через строй сослуживцев, каждый из которых должен был ударить его шомполом. Если же убийство было преднамеренным, наказание было значительно жестче, и осужденному угрожала смерть. В зависимости от тяжести преступления, наказания варьировались от отсечения головы до колесования, что свидетельствовало о высоком уровне жестокости и строгости в правовых подходах того времени.

В главе XX российского «Артикула воинского», посвященной преступлениям, связанным с содомией, насилием и блудом, наказания были крайне жесткими, включая ссылку на каторгу или смертную казнь. Такое строгое регулирование половых преступлений свидетельствовало о попытке российского законодательства контролировать моральное поведение в армии и обществе в целом, а также усилить дисциплину. Смертная казнь и каторга служили для предупреждения таких деяний и поддержания строгих нравственных норм, устанавливаемых монархом и его государственным аппаратом.

Шведский «Военный артикул» в своей XVI главе относился к половой морали несколько мягче. Вместо суровых наказаний, таких как каторга или смерть, шведский документ предусматривал в основном штрафы за содомию, насилие и блуд. Этот подход отражал более либеральное восприятие преступлений, касающихся личной жизни, хотя и в Швеции такие деяния осуждались. Более мягкие наказания в шведском законодательстве, по сравнению с российским, можно объяснить различиями в общественном и правовом устройстве двух стран, а также различными подходами к регулированию морали в армии (Елифанов, 1946; Бобровский, 1881). В обоих «Артикулах» – как шведском, так и российском — преступления на основе прелюбодеяния рассматривались через призму церковных норм. Согласно этим правилам, прелюбодеяние рассматривалось как нарушение моральных и религиозных норм, что требовало наказания. В обоих документах наказания, как правило, включали общественное осуждение, а также возможные штрафы или другие дисциплинарные меры, соответствующие тому времени. Однако в российском законодательстве эти деяния часто наказывались более жестко, в то время как в шведском варианте штрафы или общественное порицание оставались основным наказанием, что отражало различные подходы к вопросам морального поведения в обществе и армии.

Глава XXII российского «Артикула воинского» и глава XXV шведского «Военного артикула» касаются серьезных нарушений, связанных с присягой и долгом военных. В шведском документе присяга и клятва для солдат являются важной частью текста, а статьи, посвященные присяге, подчеркивают значимость верности и чести для каждого военного. В этом контексте наказания за нарушение присяги или лжи в присяге ограничиваются более мягкими мерами, такими как дисциплинарные взыскания или штрафы, что соответствует более либеральному подходу в шведской правовой системе.

В отличие от шведского «Артикула», российский «Артикул» уделяет значительно больше внимания наказаниям за преступления против государства. В российском документе четко расписаны суровые наказания за такие тяжкие деяния, как фальшивомонетничество, фальшивопечатание, измена родине и царю, а также надругательство над государственными указами. Важно отметить, что российский «Артикул» трактует эти преступления как угрозу для стабильности государства, что оправдывает более строгие меры наказания, такие как каторга или смертная казнь. Это подчеркивает разницу в подходах к правам и обязанностям солдат в двух странах, а также акцент на централизованной власти и защите государственного порядка в России (Бобровский, 1881).

Нет в шведском «Артикуле» пункта, схожего со статьей XXIII главе российского «Артикула» «О палаче и профосе».

Артикулы 206 и 209 из главы XXIV «Об утаении и увозе злодеев» копируют шведские статьи 141 и 142 из XXIV главы.

Стоит отметить, что Петр I заимствовал 110 статей из шведского «Военного артикула» и 3 статьи из указа «О дуэлях» изданного Карлом XI в 1682 г., которые вошли в его «Артикул воинский». Также на вооружение были взяты такие наказания как шпицрутен и децимация (Брокгауз, Ефрон, 1907; Епифанов, 1946).

Одним из заметных отличий между шведским и российским «Артикулами» стала структура самих документов. В шведском «Военном артикуле» присяга солдатам была размещена в конце документа, что подчеркивало ее роль как заключительного элемента, завершающего все обязательства военнослужащих. В российском «Артикуле» присяга была вынесена в начало, что отражало более важное значение клятвы для солдат и офицеров в системе Петра I. Это изменение, вероятно, было связано с желанием подчеркнуть важность верности и дисциплины с самого начала служебного пути каждого военнослужащего, а не как финальный штрих. Кроме того, российский «Артикул» был выстроен таким образом, что главы располагались в порядке их важности, начиная с ключевых вопросов, касающихся дисциплины и порядка в армии.

Российский «Артикул» также отличается наличием толкований и пояснений к отдельным статьям, что является важным элементом для лучшего понимания и применения закона. В некоторых случаях такие разъяснения могли помогать избежать двусмысленности и обеспечивать более четкое соблюдение установленных норм. Эти дополнения, вероятно, появились вследствие стремления к максимальной ясности в регламентации прав и обязанностей солдат, что свидетельствует о высоком уровне правовой систематизации в России того времени.

Важным аспектом является и различие в области применения этих документов. Если шведский «Военный артикул» касался исключительно армейской службы в условиях войны, ограничивая свои нормы исключительно военным временем, то российский «Артикул» имел более широкий спектр применения. Он распространялся не только на военную службу в условиях боевых действий, но и на гражданскую сферу в мирное время. Это расширение регулирования на повседневную жизнь и в мирное время отражало более строгие меры по поддержанию порядка и дисциплины в армии и обществе в целом, что также подчеркивает отличие подходов двух государств в управлении своей армией и населением.

Таким образом, российский «Артикул» стал не только сводом законов для армии, но и важным инструментом формирования социальной и правовой системы в целом. В отличие от шведского аналога, который был направлен исключительно на военные вопросы в условиях войны, российский документ регулировал более широкий круг социальных и гражданских отношений, что отражало стремление Петра I к централизованной и строгой власти, а также к созданию сильной и дисциплинированной армии, готовой действовать в любых обстоятельствах (Бобровский, 1881).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сравнительный анализ документов позволяет заключить, что шведский «Военный артикул» Густава II Адольфа 1621 г. в редакции Карла XI оказал основное, но не единственное влияние на создание российского «Артикула воинского» 1715 г. В количественном измерении около половины нормативных положений петровского кодекса восходят к шведскому прототипу, однако более значимым представляется качественный аспект этого влияния: шведский устав послужил для российской кодификации шаблоном. При этом, Петр I не ограничился одним «Военным артикулом»: в корпус «Артикула воинского» 1715 г. также были включены положения из общегражданского законодательства Швеции, в частности, закон Карла XI «О дуэлях» 1682 г., что свидетельствует о расширенной рецепции –

заимствовании не только военно-уставных, но и общеправовых моделей регулирования, которые были адаптированы к военной среде. Также царь позаимствовал из опыта шведских военачальников такое наказание как шпицрутен. Однако Петр не просто скопировал эти статьи из шведских законодательных актов, но и адаптировал, и структурировал их в соответствии с русскими традициями и характером русского человека, что в итоге помогло установить в российской армии достаточно высокий уровень организации и дисциплины, благодаря чему Россия смогла одержать победу в Великой Северной войне 1700-1721 гг., а сами положения «Артикула воинского» оставались актуальными, и без значительных изменений действовали до издания «Полевого уголовного уложения 1812 г.». Также положения «Артикула воинского», которые регулировали сферу гражданских отношений, действовали до издания «Военно-уголовного устава 1839 г.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Geijer E.G. (1845). The History of the Swedes / translated from the swedish by J. H. Turner. P. 243.
Gustav II Adolf. (1621) Krigsartiklern. 243-251.
<https://babel.hathitrust.org/cgi/ssd?id=hvd.hnsvyn;page=ssd;view=plaintext;seq=19;num=xiii#seq19>
- Delbrück H. (1990). History of the Art of War / translated from the german by Walter J. Renfro. Volume 4. 368 p.
- Karl XI. (1682). Kongl. Maj:s Stränge och Alfvarlige påbudh angående Dueller och Slagzmål samt förordning öfwer den reparation som den Beskymfade hafwer at undfå.
https://www.foxtail.nu/bjorn/a_plakat1662.htm
- S. V. Wedgwood. (1957). Thirty Years' War. 571 p.
- Анисимов Е. В. (1989). *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат. 496 с. // Anisimov E. V. (1989). *Vremya petrovskikh reform*. Leningrad: Lenizdat. 496 p.
https://www.phantastike.com/history/vremya_petrovskikh_reform/djvu/view/
- Беспалов А. В. Военно-судебная система Швеции в XVII – начале XVIII веков // *Образование и право*. 2024. № 1. // Bespalov A. V. Voенno-sudebnaya sistema Shvetsii v XVII – nachale XVIII vekov // *Obrazovanie i pravo*. 2024. No. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/voенno-sudebnaya-sistema-shvetsii-v-xvii-nachale-xviii-vekov>
- Беспалов А. В. (2023). *Карл XI: слуга своего Отечества*: монография. Чебоксары: Среда. 192 с. // Bespalov A. V. (2023). *Karl XI: sluga svoego Otechestva*: monografiya. Cheboksary: Sreda. 192 p. https://phsreda.com/ru/article/104744/discussion_platform
- Бобровский П. О. (1881). *Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу Воинскому 1716 г.* (издание 2-е, дополненное пояснениями). Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева. 45 с. // Bobrovskiy P. O. (1881). *Proiskhozhdenie artikula voinskogo i izobrazheniya protsessov Petra Velikogo po Ustavu Voinskому 1716 g.* (izdanie 2-e, dopolnennoe poyasneniyami). St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva. 45 p. <https://study.garant.ru/#/document/6320179/>
- Бредихин А. Л. (2022). Артикулы воинские Петра I: общая характеристика и историческое значение // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. № 1(13). // Bredikhin A. L. (2022). *Artikuly voinskie Petra I: obshchaya kharakteristika i istoricheskoe znachenie* // *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. No. 1(13). <https://cyberleninka.ru/article/n/artikuly-voinskie-petra-i-obschaya-harakteristika-i-istoricheskoe-znachenie>
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (1890–1907). *Энциклопедический словарь*: в 86 томах. Санкт-Петербург: изд. «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон». // Brokgauz F. A., Yefron I. A. (1890–1907). *Entsiklopedicheskiy slovar'*: v 86 tomakh. St. Petersburg: Izd. F. A. Brokgauz – I. A. Yefron. <https://runivers.ru/lib/book3182/>
- Володина Т. А. (2023). Спасительная сила «мнений»: О практике военных судов в русской армии XVIII – начала XIX веков // *Новый исторический вестник*. № 3(77). // Volodina T. A.

(2023). *Spasitelnaya sila "mnemiy": O praktike voennykh sudov v russkoy armii XVIII – nachala XIX vekov* // *Novyy istoricheskiy vestnik*. No. 3(77). <https://cyberleninka.ru/article/n/spasitelnaya-sila-mnemy-o-praktike-voennykh-sudov-v-russkoy-armii-xviii-nachala-xix-vekov>

Грошев С. Н., Саудаханов М. В. (2025). Дуэльная традиция в Российской империи сквозь призму правового положения мужчин // *Образование. Наука. Научные кадры*. № 1. // Groshev S. N., Saudakhanov M. V. (2025). *Duel'naya traditsiya v Rossiyskoy imperii skvoz' prizmu pravovogo polozheniya muzhchin* // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2025. No. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/duelnaya-traditsiya-v-rossiyskoy-imperii-skvoz-prizmu-pravovogo-polozheniya-muzhchin>

Епифанов П. П. (1946). Военно-уставное творчество Петра Великого // *Военные уставы Петра Великого* / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во Государственной библиотеки СССР. С. 5–42. // Epifanov P. P. (1946). *Voенно-ustavnoe tvorchestvo Petra Velikogo* // *Voennye ustavy Petra Velikogo*. Pod red. N. L. Rubinshteyna. Moscow: Izd-vo Gosudarstvennoy biblioteki SSSR. P. 5–42. <https://reenactor.ru/ARH/PDF/Rybinchtein-Epifancev.pdf>

Ивонин Ю. Е., Ходин А. А. (2010). Густав II Адольф // *Вопросы истории*. № 9. С. 52–69. // Ivonin Yu. E., Khodin A. A. (2010). *Gustav II Adolf* // *Voprosy istorii*. No. 9. P. 52–69. https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Ivonin_Xodin.pdf

Лысенко О. Л. (2014). Каролина 1532 г. – памятник права средневековой Германии (цивилизационный подход к изучению) // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. № 5. // Lysenko O. L. (2014). *Karolina 1532 g. – pamyatnik prava srednevekovoy Germanii (tsivilizatsionnyy podkhod k izucheniyu)* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. No. 5. <https://cyberleninka.ru/article/n/karolina-1532-g-pamyatnik-prava-srednevekovoy-germanii-tsivilizatsionnyy-podhod-k-izucheniyu>

Прокопьев А. Ю. (2020). *Тридцатилетняя война*. СПб.: Наука. 385 с. // Prokop'ev A. Yu. (2020). *Tridtsatiletnyaya voyna*. St. Petersburg: Nauka. 385 p. <https://djvu.online/file/xcl1WbthhGJMC>

Сведения об авторах

Миронов Евгений Александрович – студент историко-филологического факультета, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация, e-mail: skrikaorm@gmail.com

Эбель Елизавета Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация, e-mail: chedurova@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Мадышева Марина Олеговна – Горно-Алтайск мемлекеттік университетінің тарих және филология факультетінің студенті, Ресей Федерациясы, Горно-Алтайск қ., e-mail: skrikaorm@gmail.com

Эбель Елизавета Михайловна – тарих ғылымдарының докторы, Горно-Алтайск мемлекеттік университетінің тарих және археология кафедрасының профессоры, Горно-Алтайск қ., Ресей Федерациясы, e-mail: chedurova@mail.ru

Information about the authors

Mironov Eugene Alexandrovich – student of the Faculty of History and Philology, Gorno-Altaysk State University, Gorno-Altaysk, Russian Federation, e-mail: skrikaorm@gmail.com

Ebel Elizabeth Mikhailovna – doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Gorno-Altaysk State University, Gorno-Altaysk, Russian Federation, e-mail: chedurova@mail.ru